

УДК 908(470.53)''1941/1945''

МОЕ ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

*Н. Д. Аленчикова*¹

Воспоминания московской школьницы 1940-х гг. о военном детстве.

Ключевые слова: быт военного времени, эвакуация, детские воспоминания.

Поколение конца 20-х – начала 30-х гг., детство которого было разорвано началом Великой Отечественной войны, с ранних ногтей воспитывалось в духе высокого патриотизма и гордости за свою Родину, свою армию. Лет в семь, осознав себя как индивидуума и часть неразрывного целого, я с восторженным замиранием сердца думала о том, какое счастье даровано мне судьбой – родиться в единственной в мире Советской стране. Врут те мои сверстники, которые сейчас говорят, что все знали о неслыханных репрессиях, свирепствовавших в стране. Наши родители, по всей видимости, кое-что знали и кое о чем догадывались, но нас, детей тщательно оберегали от этих знаний и догадок. Мы не сомневались, что люди, объявленные врагами народа, действительно враги народа, а товарищ Сталин – мудрый вождь и отец всех народов нашей Родины.

Из разговоров взрослых мы знали, что война с фашистской Германией неизбежна, но это – не сегодня и не завтра. Однако оказалось – «завтра».

О войне мы узнали несколько раньше других москвичей.

Часов в 8 утра к нам постучался старший брат отца – дядя Витя, семья которого проживала в той же большой коммунальной квартире. Дядя – участник Первой мировой войны – два года находился в немецком плену и прекрасно знал немецкий язык. Он был редким по тем временам обладателем хорошего лампового радиоприемника и одним из его хобби было путешествие по радиоволнам. Самым удобным временем для этого было раннее утро воскресного дня, когда в эфире было наименьшее количество помех. В это утро он, как обычно, сел к приемнику и внезапно поймал речь Гитлера, из которой явствовало, что немецкие войска уже атакуют рубежи нашей страны. Потрясенный этим известием, он счел необходимым поделиться им с моим папой, зная, что в этот день я и мама должны уезжать на все лето на родину мамы, в Брянскую область.

Родители были в растерянности: ехать или не ехать? Билеты – на руках. Поезд отходит в час дня. Радио молчало. Шли обычные для воскресного дня утренние передачи. Возможно это – ложная тревога. Возможно, это просто провокация: ведь существует недавно подписанный Пакт о ненападении. Если и впрямь – война, то не на долго: немцев наша Красная Армия вглубь страны не пустит. Взвесив все «за» и «против», родители решили отложить поездку до скорого (они не сомневались в этом!) окончания войны. С нами должна была ехать моя взрослая двоюродная сестра с двумя маленькими детьми. Телефона нет ни у нее, ни у нас. Живет далеко от нас – у Крестьянской заставы. Единственное средство сообщения – трамвай. Папа поехал к сестре, чтобы проинформировать ее об услышанном и нашем решении, а потом – сдать билеты. Однако, Лиза с детьми решила все-таки ехать. Не остановило ее и последовавшее в 12 часов выступление по радио Молотова, подтвердившее начало войны. (Впоследствии она с детьми едва успела убежать из Дятькова до его захвата немцами). В течение следующей недели стало ясно, что война предстоит длительная и кровопролитная.

Мне было без малого 11 лет, поэтому все последующие события запечатлелись в памяти довольно четко. Москва преображалась буквально на глазах. За короткий период все оконные стекла в домах были перечеркнуты бумажными наклейками, которые должны были защитить их от взрывной волны в случае налета вражеской авиации. В домоуправлениях организовано выдавались черные маскировочные шторы, чтобы ни один луч света не пробивался из окон на улицу в ночное время. Устанавливались ночные дежурства жильцов, которые должны были следить за надежностью затемнения, а также за появлением подозрительных лиц на прилегающей к домам территории. Дворы и чердаки загружались песком для тушения зажигательных бомб в случае прорыва к Москве немецких бомбардировщиков. На каждый дом выдавалось по несколько пар брезентовых рукавиц. Проводились инструктажи по борьбе с «зажигалками» (так назывались в народе зажигательные бомбы). Значительная часть Москвы в то время была деревянной и угроза массовых

пожаров (в случае вражеского налета) была нешуточной. Все граждане, имеющие ламповые радиоприемники (их имели тогда далеко не все), обязаны были сдать их на специальное хранение до конца войны (после победы они действительно были возвращены владельцам в целости и сохранности). Помню, как мама зашивала в старое детское одеяльце наш радиоприемник, которым папа был премирован в 1934 г. на Челябинском тракторном заводе. Это был один из первых выпусков отечественных радиоприемников – громоздкое сооружение, состоявшее из двух частей: собственно приемника и ретранслятора. Он занимал две полки на нашей этажерке для книг и мог принимать только две существовавшие тогда в стране радиостанции, как помнится, – «им. ВЦСПС» и «им. Коминтерна». Конечно, никакую за границу он принимать не мог, но, как говорится «бережного бог бережет». Власти хотели гарантировать себя и оградить народ от возможной фашистской радиопропаганды. Зато непременным атрибутом каждой комнаты в коммунальной квартире стала черная «тарелка» – репродуктор, которая не выключалась даже на ночь и первой, голосом Левитана, объявляла о начале воздушной тревоги. Она же сообщала нам последние сводки с фронта. Был ограничен отпуск продуктов «в одни руки». Продовольственные карточки, как мне помнится, были введены несколько позднее, кажется, в сентябре.

Во дворе каждого дома силами жильцов вырывались так называемые «щели» – подобие глубокого крытого окопа, где жильцы должны были спастись от осколков фугасных бомб и завалов, в случае попадания фугаса в близлежащие здания. Такая «щель» была отрыта и посреди нашего двора. Мы, ребятишки, с интересом и ужасом заглядывали в нее, не решаясь спуститься по крутой лестнице. Наша «щель» была сделана на совесть и, я бы даже сказала, с любовью. Трудились все жильцы. Потолком ее был слой старых трамвайных шпал, завезенных домоуправлением, поверх которых была земляная насыпь, укрытая толем. Кто-то принес старый линолеум для пола. Внутри сколотили скамьи для сидения. Однако, на моей памяти, жильцы нашего дома предпочитали, все-таки, при объявлении тревоги спускаться в наш подвал.

Часто среди ночи раздавался душераздирающий вой многочисленных сирен, к которым присоединялись паровозные и заводские гудки, и радиоточки вещали голосом Левитана: «Внимание, воздушная тревога! Воздушная тревога!». Полуодетые жильцы, на ходу натягивая на себя что-то теплое и прихватив противогазы (ими были обеспечены все граждане столицы задолго до войны, т.к. не исключена была возможность химической атаки врага), спешили спуститься в подвал. Дежурные поднимались на чердак и крышу дома. Дежурило по очереди все взрослое население дома.

Иногда воздушная тревога объявлялась днем. Одна из таких тревог застала меня с подружкой в кинотеатре. Как сейчас помню, на детском сеансе мы смотрели фильм «Профессор Мамлок» (о судьбе еврейской семьи в фашистской Германии). Сирена заревела на середине сеанса и администрация кинотеатра предложила нам быстро бежать к недостроенной шахте метро «Павелецкая», которая находилась в квартале от кинотеатра. Помню бесконечный спуск глубоко под землю по временным деревянным лестницам и такой же бесконечный подъем после отбоя вместе с теми, кого тревога застала на улице. Было досадно, что фильм прервался на самом интересном месте и мы решили узнать, нельзя ли его досмотреть. К нашей радости и удивлению, всех возвратившихся беспрепятственно пропустили в кинотеатр и сеанс продолжился. (Этот маленький деревянный кинотеатр с гордым названием «Спартак» все-таки сгорел во время одной из первых бомбежек). Первые тревоги были учебными.

Настоящие налеты на Москву начались ровно через месяц после начала войны – 22 июля.

Бомбежка началась около 9 часов вечера. После объявления тревоги все население нашего деревянного двухэтажного дома, как обычно, спустилось в подвал, – замечательный подвал жилищного купеческого дома, глубоко уходящий под дом. Выложенная природным камнем лестница в 12 ступеней приводила к массивной металлической двери с таким же массивным запором. За ней было большое помещение, высотой в полтора человеческих роста. Стены и потолок его тоже были из природного камня. Это способствовало тому, что в течение года в подвале сохранялась постоянная температура, близкая к нулю. В мирное время подвал использовался всеми жильцами дома для хранения скоропортящихся продуктов (холодильников тогда в природе советского быта не существовало). Теперь он стал убежищем жильцов при налетах врага. Конечно, потолок подвала вряд ли выдержал бы прямое попадание фугаса, но от осколков и пожара был вполне надежным убежищем.

Первая бомбежка как-то мало коснулась нашего района. Только слышались далекие взрывы, да надрывно стрекотали зенитки. Одна из зениток была установлена совсем рядом с нашим двором

на крыше большого четырехэтажного дома, замыкавшего наш переулок. Мы, дети, протискивались между взрослыми на верхнюю ступеньку подвальной лестницы и наблюдали за трассирующим полетом зенитных очередей в черном ночном небе и охотой десятка мощных прожекторов, стремящихся поймать в свое перекрестие вражеские самолеты. Страх не было. Было только детское любопытство и возбуждение от невероятности происходящего.

После первой же бомбежки меня и мою маленькую двоюродную сестру вместе с ее нянькой, родители вывезли за город, на станцию Трудовую Ярославской железной дороги, где сняли в деревне небольшую комнату. На исходе каждого дня, всегда в одно и то же время, в 9 часов, мы с замиранием сердца смотрели, как на фоне заката и спускающихся сумерек в сторону Москвы над Трудовой волна за волной летели огромные черные фашистские бомбардировщики. С наступлением темноты над Москвой виднелось зарево от пожаров. Как потом выяснилось, горели крытые деревянные рынки, расположенные в непосредственной близости от вокзалов: немцы целили в вокзалы, а попадали в рынки. Одним из первых сгорел рынок у Павелецкого вокзала, в десяти минутах ходьбы от нашего дома. И каждое утро мы с тревогой ждали вестей из дома, приезда родителей. Их приезд означал для нас, что после данной ночи все живы и дом наш не сгорел.

По утрам нянька брала нас с сестрой за руки и вела за два километра от деревни, в сельский магазин, в очередь за хлебом. В одни руки продавалось только по буханке хлеба. Запасливая нянька, полуглухая Татьяна со знаменитой фамилией «Пушкина», пережившая и Первую мировую, и Гражданскую войну, брала нас в магазин с целью купить вместо одной – сразу три больших буханки пахучего, вкусного ржаного хлеба. Помимо еды, большая часть хлеба шла на заготовку сухарей: нянька по опыту знала, что каждой войне сопутствует голод.

Все новости мы узнавали из разговоров взрослых, привозивших нам продукты из Москвы, т.к. сельский магазин очень быстро опустел и кроме хлеба там ничего не продавалось. Говорилось о том, что немцы буквально засыпают Москву «зажигалками». Кроме того, при падении, благодаря специальному устройству в оперении, бомбы издавали устрашающий визг, который должен был деморализовать население. Однако, москвичи быстро научились бороться с этой напастью: руками в брезентовых варежках упавшая бомба быстро хваталась за «хвост» и засовывалась «мордой» в песок, что предотвращало загорание. На чердаке нашего деревянного дома особенно ловко расправлялась с «зажигалками» моя тетка – Татьяна. Мы узнали, что в двух кварталах от нашего дома, на углу Пятницкой улицы прямым попаданием фугасной бомбы был разрушен научно-исследовательский институт. Через квартал от него, на углу Новокузнецкой улицы и Вишняковского переулочка, фугасная бомба попала в «щель», где спасались жильцы большого четырехэтажного дома.

В одну из бомбежек, на боевом посту, охраняя какой-то важный оборонный объект, погиб мой дядя, брат папы, Алексей Иванович Аленчиков. Его имя высечено на одном из памятников защитникам Москвы.

В августе началась эвакуация из Москвы женщин, стариков и детей. Народный комиссариат нефтяной промышленности, где работал мой отец, готовил эвакуацию семей своих сотрудников водным путем, на Урал, в Уфу. Помню, как папин начальник пригласил к себе домой всех своих заместителей вместе с семьями для обсуждения этого вопроса: мучительно тяжело было принять решение о разрыве семей на тех, кто оставался и тех, кто должен ехать в глубокий тыл. Мужчины настаивали на эвакуации. Женщины сопротивлялись. Так ли уж это необходимо? Неужели можно допустить, что фашисты приблизятся к Москве? В конечном итоге победило мнение мужчин.

В начале августа мы с мамой и довольно значительным багажом оказались на причале Химкинского речного порта. Как и на чем мы туда добирались – в памяти не отложилось. Провожал нас мой двоюродный брат Федор, накануне войны, 21 июня весело отметивший в компании одноклассников окончание десятилетки. (Вскоре после нашего отъезда он ушел на фронт и всю войну прослужил во фронтовой разведке). Планировалось, что караван судов с эвакуированными отплывет из Химок в 2 часа дня. Но по неизвестным причинам погрузка затянулась до вечера. Пароход был перегружен, мест для нормального размещения не хватало. А тут еще в толкотне и неразберихе потерялась моя мама. Плачущая и растерянная, я притулилась у кого-то в ногах на скамейке в третьем классе. Потом кто-то помог мне забраться на самую верхнюю полку, предназначенную для вещей, где хотя бы можно было лечь и вытянуть ноги. Как только мы отплыли, началась бомбежка. На воде это особенно страшно. Заливаясь слезами, я прислушивалась к воюющему над караваном небу и

глухим, отрывочным командам нашего капитана где-то там, наверху. Быстро спустившаяся августовская ночь помогла нашему каравану без потерь выйти из Химкинского порта. Слава Богу, ни одно судно не пострадало. Утром мы с мамой нашли друг друга...

В конце концов, без особых приключений, наш караван дней через 10 добрался до Уфы. Но оказалось, что далеко не всех приехавших могла в то время принять столица Башкирии. Так мы оказались в Стерлитамаке, на 2-й улице 7-го Ноября (их там было 5), подселенными к семье инженера-строителя, в небольшой проходной комнате.

По пути в Стерлитамак, в жестком нечистом вагоне поезда, я обзавелась верной приметой народной беды – платяными вшами. Помню, какое брезгливое отвращение и ужас я почувствовала, впервые познакомившись с ними. Сразу страшным дефицитом стало мыло: на рынке за кусок мыла можно было получить полкило домашнего сливочного масла. Первое время стерлитамакский рынок изобилдовал молочными продуктами. Мне очень нравился катык – особо приготовленная башкирская простокваша. Но по мере увеличения количества эвакуированных, рынок становился все дороже и беднее. Продуктовых карточек еще не было, но вода в Стерлитамаке выдавалась в специальных будках по талонам, которые нужно было покупать. Помню, как меня это поразило.

Оставалось всего несколько дней до начала учебного года, поэтому мама сразу же записала меня в 4-й класс здешней начальной школы. Отношение к эвакуированным было очень сочувственным и доброжелательным. Это было характерным во все годы войны, сплотившей и сроднившей все население страны перед лицом врага. По совету нашей хозяйки мы посетили местного пимоката и заказали валенки, так как зимней обуви у нас не было. Эти чудесные валенки, сваленные добрыми руками башкирского пимоката, необыкновенно теплые и складные, не только спасли нас во время суровой зимы 1941 г., но в 1953 г. приехали вместе со мной в Пермь, где (увы!) были украдены очередной нянькой моей старшей дочери. Тогда же у какой-то эвакуированной портнихи из перелицованного папиного пиджака мне было сшито зимнее пальто. Оно верно прослужило мне две зимы, вплоть до возвращения в Москву. К тому времени я так вытянулась, что руки чуть не до локтя вылезали из рукавов, не говоря о прочем.

Основным лозунгом, под которым тогда жила наша страна, был лозунг «Все для фронта, все для победы». Посильную лепту в помощь фронту вносили и мы, школьники: шили кисеты, набивали их купленной на рынке махоркой-самосадом, обязательно вкладывая в каждый кисет свои нехитрые письма бойцам. Собирали теплые вещи (варежки, носки), под руководством учителей организовывали посылки на фронт. И каждое утро с трепетом включали радио в ожидании сообщений от Советского Информбюро, которые день ото дня становились все тревожнее: фашисты рвались к Москве, началась блокада Ленинграда.

В грозные дни середины октября 1941 г. папин наркомат был эвакуирован в Уфу, куда папа перевез из Стерлитамака и нас с мамой. Несколько месяцев мы жили на ул. Чернышевского, в двухкомнатной квартире старого деревянного дома, одну из комнат которой занимали хозяева, а вторую, небольшую и длинную, наша семья делила с семьей эвакуированных из Одессы (их тоже было трое). Каждой семье досталось по одной кровати.

В Уфе я продолжила учебу в 4-м классе, начатую в Стерлитамаке. Зима 41-го г. была на редкость суровой: градусник часто показывал около 50 градусов, птицы замерзали на лету (однажды ко мне под ноги упал замерзший воробей). В школе был жуткий холод: и ученики, и учителя не снимали во время уроков ни пальто, ни шапок, ни варежек. Писать было невозможно: в чернильницах – лед. Вскоре занятия моего класса переместились из школы в маленькую квартирку нашей учительницы, где она жила вместе с инвалидом-мужем и крохотной очаровательной дочуркой. Занимались небольшими группами, в три смены, но как-то не было ни лодырей, ни отстающих: все ребята успешно закончили четвертый класс.

В конце зимы папе дали более подходящее жилище в другом районе города, на ул. Фрунзе, на высоком обрывистом берегу реки Белой. Это была небольшая квартира на первом этаже двухэтажного деревянного дома, которую мы делили с семьей сослуживца папы. Весь первый этаж занимали эвакуированные. Через стенку от нас жила милая ленинградка, муж которой, рабочий Кировского завода, недавно эвакуированный по ледовой дороге из блокадного Ленинграда, умирал на наших глазах от дистрофии. Ходить он не мог, но очень радовался, когда мы, дети, приходили его навещать. Я до сих пор вижу его добрые лучистые глаза на бескровном лице. С появлением весеннего солнца, жена выкатывала на крыльцо кресло, в котором он полулежал и было видно, с каким

наслаждением он подставляет лицо солнечным лучам и вдыхает вкусный весенний воздух. Вскоре он умер...

Папин наркомат, как помнится, разместился в большом здании Башнефти. С приездом папы наш быт несколько улучшился: семьи сотрудников были прикреплены к наркоматовской столовой, где каждый день нам выдавали по порции пустых щей из квашеной капусты и немного каши. Кроме того, хозяйственный отдел наркомата организовал закупку мяса у частников, которое распределили между сотрудниками, что на некоторое время скрасило наш скудный рацион. Карточный талон на мясо практически не отоваривался: вместо мяса выдавался яичный порошок.

Вообще же, карточки делились на 4 категории: детские, рабочие, для служащих и иждивенческие. Детские карточки выдавались на детей до 10 лет и, как и для рабочих, норма выдачи хлеба и продуктов по ним была несколько выше, чем для иждивенцев. Служащие получали больше, чем иждивенцы, но меньше, чем рабочие. (Мы с мамой были «иждивенцами»). В свою очередь, каждая категория получала по три карточки: хлебную, продуктовую и промтоварную. Карточки выдавались ежемесячно в домоуправлениях или по месту работы. Потерянные карточки не восстанавливались. Потеря карточки была трагедией для семьи. Продуктовые карточки «прикреплялись» к определенному магазину, в котором только и должны были «отовариваться». Нормы выдачи были ничтожные, но они не позволяли людям умирать с голода. Как помнится, на месяц по иждивенческой карточке полагалось по 300 гр. жира, мяса, крупы и сахара. Сахар выдавался крайне редко. Его заменяли сухим киселем или смесью какао с сахарным песком. Чтобы «отовариться» нужно было выстоять огромную очередь. Нередко часть талонов так и оставалась «неотоваренной» из-за отсутствия продуктов в магазине. Ежедневной процедурой было выстаивание очереди за хлебом: хлеб выдавался только на текущий день. Если вы не смогли купить его в этот день – талон пропал. В основном, люди проживали привезенные вещи, обменивая их на продукты питания. Так жила и наша семья.

После разгрома немцев под Москвой, в марте 1942 г., Народный комиссариат нефтяной промышленности был эвакуирован и папа уехал в Москву. Мы остались без столовских щей. Перед отъездом папа успел обеспечить меня обувью к весне: от купленных за год до войны моих любимых коньков он сумел аккуратно освободить ботинки. Эти ботинки верно прослужили мне всю войну.

Чтобы немного увеличить наш голодный паек, мама ездила в компании с другими женщинами в глубинные деревни, где на вещи можно было выменять картошку, морковь, горох, мед. Помню, что за 2-х-литровый бидончик меда мама отдала большой киргизский ковер ручной работы, накрываясь которым мы спасались от зимних холодов. За деньги в деревнях никто ничего не продавал. Весной стало легче: варили суп из лебеды и шавеля. Кроме того, вскопали грядки на приусадебном участке нашего дома и посеяли лук, укроп, редиску. Но вскоре тяжело заболела и была госпитализирована моя мама.

Я осталась, практически, одна. Однако, мир не без добрых людей, особенно во времена всех объединяющей беды. Эвакуация всех перезнакомила и всех породнила. Меня взяла на свое попечение семья моей школьной подруги Инны Шейн, отец которой тоже работал в Наркомнефти. Эту чудесную семью, Иннину бабушку и маму, я буду помнить до конца своих дней, как и буду корить себя за то, что по молодости и глупости потеряла связь с ними по возвращении в Москву.

Иждивенческие карточки, по которым нам полагалось в день по 300 грамм хлеба, держали нас в состоянии вечного голода, да и выкупить эти граммы не всегда удавалось: очереди устанавливались с вечера, а иногда привезенного хлеба просто не хватало на всех. Обычный завтрак перед школой у нас с Инкой состоял из тонкого ломтика черного хлеба, который мы разрезали на маленькие квадратики и пили с кипятком, делая вид, что это сахар-рафинад. Но жили мы дружно и весело. Добрым духом этой семьи была бабушка – Надежда Исаковна, которая помимо энциклопедических знаний, обладала тонким юмором и любую драматическую ситуацию могла представить в забавном виде.

Были у нас с Инкой и нештатные ситуации. Помню, как однажды мы с ней потихоньку взяли из оставленных папой денег 300 рублей, после школы пошли на рынок и на эти деньги купили у спекулянта целую буханку хлеба. (Как помнится, в магазине один килограмм черного хлеба стоил в то время 1 рубль). Шли домой окольными путями и по дороге с наслаждением умяли всю буханку. Это так и осталось нашей тайной...

В нашей школе активно действовала тимуровская команда и мы с Инной участвовали во всех

ее мероприятиях. В основном это была помощь семьям фронтовиков. Мы пилили и кололи дрова, ходили за водой, помогали отovarивать карточки, писать письма на фронт. Все это делалось дружно, с большим старанием и охотой. Никакой «обязаловки»...

Весной 1943 г., в середине учебного года, приехал папа с пропуском на реэвакуацию в Москву для меня и мамы. Я с наслаждением вдыхала родной московский воздух и сразу же побежала оформляться в 5-й класс своей 528-й школы. (Среди моих одноклассников оказался и Егор Яковлев, с которым мы вместе потом учились в Историко-архивном институте. В перестроечное время он был видным общественным деятелем, издателем и редактором «Новой газеты» в Москве). После окончания учебного года весь наш класс, во главе с классным руководителем Зинаидой Ивановной Степановой, был направлен на работу в колхоз.

Колхоз, в котором нам предстояло работать все лето, находился на границе Московской и Ивановской областей. Разделяла их небольшая речушка. Ребята шутили: «Надоела Московская, сплаваем-ка в Ивановскую!». Мужчин в колхозе, практически, не было: все ушли на фронт. Остались одни старики, женщины и подростки нашего возраста. Председателем был отвоевавший свое одноногий инвалид этой войны. Хозяином он был хорошим, колхозники его уважали. Председатель выделил для нас большую избу с огромной русской печью, которая служила нам и для приготовления нехитрой пищи, и для обогрева и сушки в ненастье. В одной половине избы жили мальчики, в другой – девочки. Вместо кроватей были сколочены огромные нары, занимавшие половину избы. Перинами служили набитые соломой мешки. Сначала было колко, но потом солома обмялась и спали мы на ней после трудового дня, как убитые. Несмотря на ежедневную усталость, жили очень дружно и весело. Вечерами на завалинке пели песни вместе с колхозной молодежью, балагурили.

В первый день нашего приезда произошел курьезный случай: знакомясь с окрестностями колхоза мы набрали на гороховое поле. Стручки еще как следует не налились, но вместе со шкуркой были вполне съедобны. Поле было большое и с разрешения Зинаиды Ивановны мы вместе с ней мирно паслись на самом краешке поля, когда вдруг увидели, что со стороны деревни к нам движется довольно большая толпа во главе с председателем и явными признаками возмущения нашим нашествием на горох. Благодаря дипломатическим способностям Зинаиды Ивановны, конфликт был скоро улажен и председатель даже распорядился, чтобы ферма ежедневно выдавала на нашу ораву половину большого бидона молока. Это очень скрасило наш небогатый рацион, состоявший, в основном, из распаренной в русской печи пшеничной каши, которую мы называли «шрапнелью».

Занимались мы прополкой колхозных полей, прореживанием моркови и свеклы – всеми видами необходимых колхозу работ. Во время сенокоса ворошили и скирдовали сено, ловко научились орудовать вилами и граблями. Работали на ферме. Галка Косичкина даже освоила дойку коров, чем совершенно покорила сердца деревенских подростков. Мне особенно запомнились работы на молотилке и веялке во время уборки хлебов. Работа изнурительная и увлекательная, ощущение коллектива, как единого четко действующего организма, какое-то азартное соревнование с работающей молотилкой. И это гордое ощущение своей полезности, участия в большом всенародном деле. Глубокое и радостное удовлетворение сделанным, несмотря на нечеловеческую усталость и ломоту во всех суставах и сочленениях. Нам ведь всем не было еще и по 13 лет...

За это лето 1943 г. каждый из нас заработал по 5 кг пшеницы и где-то килограмм по 30 капусты. Кажется, были еще морковь и картошка, но запомнились мне лишь пшеница и капуста. Как все это доставлялось домой, помню очень смутно. Помню только полосатый на матрасник с капустой, который я тащу на плечах к платформе рабочего трамвая (очевидно, школа организовала этот транспорт от вокзала). До сих пор постичь не могу, как мы все тогда не надорвались. Но, как говорят, «своя ноша не тянет». Капусту эту мы с папой засолили в большой бочке и ели потом всю зиму (в нашем замечательном подвале она прекрасно сохранялась). А пшеницу мололи на кофемолке и варили кашу...

Следующим летом наш класс снова работал в колхозе, но почему-то четко отложилось в памяти именно первое лето – лето 1943 г.

Военные зимы были особенно трудными. Пары мешков картошки, которыми папе удавалось запастись на зиму, в лучшем случае хватало только до марта. Отходов не было. Помню, как однажды из картофельных очисток, смешанных с отрубями, я пожарила на сухой сковородке подобие

котлет. Папа ел их с удовольствием, а мой желудок отказался их принять. Я просто ревела от обиды и досады на то, что зря перевела продукт, который мог бы съесть папа.

За продуктовым пайком в строго определенные дни приходилось ездить на другой конец города, к Киевскому вокзалу. В двух кварталах от него, за Москва-рекой, находился магазин («распределитель»), к которому были прикреплены сотрудники папиного наркомата. На стояние в очереди за пайком уходил целый день. Зато сразу «отоваривались» на весь месяц. Счастьем было получить на «мясные» талоны пару банок американской тушенки. Хорошо, что стоять приходилось в магазине, а не на улице: из зимнего пальто я выросла и всю зиму ходила в демисезонном пальто, выделенном папе профсоюзной организацией. Я его любила и берегла. В школу бегала в не по росту большой стеганой телогрейке, полученной на промтоварный талон. В то время это была «форма одежды» многих москвичей.

При страшнейшем топливном дефиците (как помнится, на зиму по специальным талонам выдавалось 3 кубометра дров) все керосинки и керогазы, на которых приготавливалась скудная пища, стали дополнительным источником тепла и переместились из общей кухни в комнаты жильцов. Введенный во время войны лимит на электричество не позволял пользоваться электроплитками. Восемь электросчетчиков в общем коридоре (в квартире проживало 8 семей) контролировали расход энергии каждой семьи и автоматически отключали электричество при его перерасходе. Во всех комнатах нашей коммуналки появились чугунные печки-«буржуйки», которые топились мелкими чурками. Они быстро раскалялись и так же быстро остывали, когда их переставали топить. Зимой 1944 г. в топливном рационе москвичей появился каменный уголь. Он дольше держал тепло в «буржуйках».

О том, как трудно все мы жили в те далекие военные годы, как голодали и холодали можно вспоминать бесконечно много. Но было и другое – чувство единения всего народа, ощущение себя частью непобедимого целого, готовность всегда помочь рядом живущему. Ходили в обносках, полуразутые, но театры и концертные залы были переполнены и с трудом удавалось купить билетик с рук. Духовная жизнь народа не замирала...

Незабываемым был День Победы. Начиная со 2-го мая, дня падения Берлина, все с нетерпением ждали подписания акта о капитуляции фашистской Германии. Не спали до 2-х часов ночи – последнего сообщения Советского Информбюро. И вот, наконец, в ночь с 8-го на 9-е мая ликующе-торжественный голос Юрия Левитана сообщил о полной и безоговорочной капитуляции Германии. Как и в предыдущие ночи, мы не спали и жадно ловили каждое слово знаменитого диктора. Что началось после этого!!! Все стали обниматься, целоваться, будить тех, кто спал. Распахнули еще запечатанные на зиму окна на улицу и кричали: «Проснитесь! Победа! Ура-а-а!!!» Собрались всей нашей 8-комнатной и 8-ми-семейной квартирой в самой большой комнате, у моего дяди. Кто-то тащил водку, кто-то – скудную закуску: у кого что было. Пили, кричали «Ура!», ликованию не было предела. Спать я легла в 4 часа утра, а едва проснувшись, побежала в школу (день, кажется, был нерабочий). Туда уже спешили все наши ученицы (обучение было уже отдельным) Собравшись, устремились на Красную площадь. Со всех концов города к этому сердцу Москвы шли стихийно создававшиеся демонстрации, с красными флагами и самодельными лозунгами, чтобы влить свою радость в общий поток всенародного ликования.

Дальше я даю слово своему детскому дневнику, запись в котором была сделана в тот же день: «На Красной площади радостно рокотала многотысячная толпа. Народ обступил Кремлевские ворота, ожидая чего-то необыкновенного. Протиснувшись к воротам мы видели, как из них выехал маршал Рокоссовский. Везде волновался народ. В одном месте площади плясали студенты, а вместе с ними – пожилой интеллигент. В другом – шла колонная демонстрантов и сотни новых людей примыкало к ней. Какой-то военный подозвал мороженщицу и, заплатив за все (оно тогда было страшно дорогим) стал раздавать мороженное ребятишкам. Недалеко молодежь, поймав какого-то американского военного, стала его качать. Сперва он реагировал на это, робко улыбаясь, когда же его захотели качать во второй раз, он вывернулся и, помогая себе локтями, убежал в ГУМ. Знакомые и малознакомые при встрече целовались. На площади Свердлова плясали под гармошку. На Манежной площади, на площади около «Ударника» – везде танцевали люди и так продолжалось до глубокой ночи. А вечером, в 10 часов был грандиозный салют. Ночное небо пронзили тысячи прожекторов – синие, желтые, красные. В одном месте, где перекрестились лучи нескольких прожекторов, был виден огромный портрет товарища Сталина. В другом – алый стяг бился на ветру.

Москва давала 300 залпов из 1000 орудий! Было светло, как днем! Что за незабываемый, чудесный день!!!»

Официальное празднование Дня Победы было назначено на 24 июня 1945 г. Именно в этот день были повержены к подножию Мавзолея вражеские знамена. День был пасмурный и дождливый. Тысячные колонны празднично одетых демонстрантов с 8 до 12 часов утра мокли под дождем в ожидании начала демонстрации, которая должна была пройти после военного парада, но из-за непогоды демонстрация была отменена.

Для всех нас настоящий праздник уже состоялся 9 мая 1945 г.

Примечания

¹ Аленчикова Наталья Дмитриевна родилась 25 августа 1930 г. в Москве. Училась в школе № 528 г. Москва с 1938 по 1948 г. После школы Н. Д. Аленчикова поступила в Московский государственный историко-архивный институт (1948–1953 г.), специальность «Историк-архивист». После окончания института Наталья Дмитриевна была направлена в Молотовский государственный архив на должность научного сотрудника, проработала старшим научным сотрудником отдела использования госархива до декабря 1975 г. С 1975 по 1986 г. работала старшим методистом заочного отделения исторического факультета Пермского государственного университета и преподавала лекционный курс «История государственных учреждений». Продолжает заниматься научно-исследовательской работой.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.06.2010